

УДК 821.161.1-32.09

DOI <https://doi.org/10.32999/ksu2663-2691/2020-84-9>

ПОЭТИКА АДЮЛЬТЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И. А. БУНИНА

Шестакова Элеонора Георгиевна,

доктор филологических наук

shestakova_eleonora@mail.ru, shestakovanora2016@gmail.com

orcid.org/0000-0003-2000-9208

У статті обґрунтовується актуальність виокремлення адюльтеру як одного із самостійних, сильних феноменів художнього світу І. Буніна. Доводиться, що адюльтер у бунінському світі неправомірно трактувати як тривіальну подружню невірність, розглянуту в однозначній етичній системі координат. Визначаються основні підходи та напрями дослідження поетики адюльтеру: історико-типологічний, порівняльний, метод мотивного аналізу.

Мета. Простежити основні варіанти й варіації адюльтеру, зрозуміти, як і в яких основних напрямках відбувався його розвиток у бунінському світі; прояснити моральну, естетичну та екзистенційну основи адюльтеру як того, що пов'язує воєдино такі суперечливі й необхідні для досягнення *таємниці автентичності* (Ф. Степун) особистості та істинності почуття, як свобода та обов'язок, любов і відповідальність, вірність і зрада, відданість, порядність і можливість змін для я, вибір і випадковість.

Результат. Факт адюльтеру в І. Буніна в жодному разі не передбачає аморальність, порочність людини навіть у тих випадках, коли це з традиційної позиції виявляється однозначним. Це характерно і для творів, орієнтованих на поетику реалізму, і для оповідань, для яких значимі відкриття екзистенціалізму. Неминучі під час опису зради банальність, передбачуваність ситуації й типів героїв адюльтеру є в І. Буніна еквівалентом кантівської ситуації морально-етичного вибору. Естетичне сприйняття та переживання зради – це одна з можливостей для героїв пізнати себе справжніх.

Висновки. Навмисна увага І. Буніна до буденності адюльтеру, проте водночас його недопущення на практиці життя – це зроблений героями вибір своєї звичної буденності як вибір себе, майже хайдеггерівська можливість бути самим собою, а не репрезентантом вульгарності загальножиттєвих ситуацій. Адюльтер – це простір внутрішньої свободи й чесності я, екзистенціальної безмежності та безмежної можливості занурення й усвідомлення себе, а також його права, обов'язки (не)вибору себе.

Ключові слова: мотив, парадокси адюльтеру, морально-етичний вибір, екзистенційне світвідчуття.

THE POETICS OF ADULTERY IN THE ARTISTIC WORLD OF I. A. BUNIN

Shestakova Eleonora Georgievna,

Doctor of Philological Sciences

shestakova_eleonora@mail.ru, shestakovanora2016@gmail.com

orcid.org/0000-0003-2000-9208

The article substantiates the relevance of isolating adultery as one of the independent, powerful phenomena of the artistic world of I. Bunin. It is proved that adultery in the Bunin world is inappropriate to interpret as trivial adultery, considered in an unambiguous ethical coordinate system. The main approaches and directions of research into the poetics of adultery are determined: historical-typological, comparative, method of motive's analysis.

The main **purposes of the article** are: to trace the main variants and variations of adultery, to understand how and in what main directions its development took place in the Bunin world; to clarify the moral, aesthetic and existential foundations of adultery as something that binds together such contradictory and necessary for comprehending the *mystery of authenticity* (F. Stegun), personality and truthfulness of feelings, as liberty and duty, love and responsibility, loyalty and betrayal, devotion, decency and possibility of change for self, choice and chance.

Results. The fact of adultery in I. Bunin in no way implies immorality, depravity of a person, even in those cases when it is unambiguous from the traditional point of view. This is typical both for works focused on the poetics of realism and for stories for which the discoveries of existentialism are significant. The banality, predictability of the situation and types of heroes of adultery, inevitable when describing betrayal, are the equivalent of the Kantian situation of moral and ethical choice in I. Bunin. Aesthetic perception and the experience of betrayal are one of the opportunities for the heroes to know who they are.

Conclusions. I. Bunin's deliberate attention to the everyday life of adultery, but also his non-admission in the practice of life, is the hero's choice of their usual everyday life as a choice of themselves, an almost Heidegger's opportunity to be oneself, and not a representative of the vulgarity of everyday situations. Adultery is a space of inner freedom and honesty of the self, existential infinity and unlimited possibilities of immersion and self-awareness, as well as his rights, duties (not)choosing oneself.

Key words: motive, the paradox of adultery, moral and ethical choice, existential attitude.

Быть самим собой или не быть самим собой.

М. Хайдеггер

*Все человеческие судьбы слагаются случайно,
в зависимости от судеб, их окружающих.*

И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева»

1. Введение

Парадоксальная по своей сущности идея, приведенная в качестве первого эпиграфа, сформулирована ранним М. Хайдеггером (Бибихин, 2009). Она восходит ещё и к известному монологу Гамлета «Быть или не быть», что тонко обыграно В. Бибихиным в русскоязычном переводе. Быть или не быть самим собою – это подлинная

трагическая коллизия внутренних, определяющих ценностей мир личности, моральных норм и чувств, нравственных предписаний, долга и свободного выбора *я* своих прихотливо, неожиданно меняющихся желаний, настроений, предпочтений, процесса постижения, диалога с окружающим пространством и прикосновения к сюрпризным безднам собственного *я*. Быть или не быть самим собою – это выбор, зависящий от взглядов, желаний, воли, силы убеждений, больших и бесконечно малых поступков человека, а также осознание и принятие ответственности за их последствия. Быть или не быть самим собою – это ещё и выбор, зависящий от реакции человека на поступки, взгляды, мимолетные прикосновения к его жизни и судьбе *других, чужих, иных*. В Библихин определил в качестве истоков этого хайдеггеровского парадокса философские системы И. Канта и С. Кьеркегора – сложное столкновение нравственных императивов и экзистенциального мироощущения. Для героев прозы И. Бунина такого рода мировоззрение, мировосприятие тоже крайне значимо. Однако И. Бунин, будучи чутким к парадоксам, сюрпризам и ловушкам экзистенциального мироощущения, постоянно и настойчиво заставляет своих героев одновременно соприкасаться и с глубинами их *я*, и с различного рода сложными, драматическими неожиданностями, обусловленными чувствами, поступками и выбором других людей. На этом пересечении собственных убеждений, чувств, поступков человека и случайности, внезапности столкновения с другой судьбой в художественном мире И. Бунина и проявляется *тайна подлинности* (Ф. Степун). При этом одним из путей и возможностей прикосновения к ней может быть адюльтер.

Адюльтер принято определять как неверность, измену, прелюбодеяние, нарушение супружеской верности. Адюльтер изначально и традиционно соотносят с предательством, греховностью, пороком и внутренне взаимосвязанными с ними соблазном, непостоянством, переменчивостью настроения и нрава, игрой, растленностью, эгоизмом, циничностью и морально-этическим преступлением, нравственным наказанием и раскаянием. Адюльтер, как правило, актуализируют этической системой координат. В христианской традиции сущность адюльтера обуславливают греховными страстями. В первую очередь, это блуд, лукавство, лицемерие, ложь, оскудение любви, что означает «...угождение страсти и покой во всем (послабление), осуждение, хула (хульные помыслы), самолюбие, смехотворство, смех безвременный» (Грехи..., 1997: 31). При этом блуд почитается «тяжчайшим из всех грехов после человекоубийства и отречения от Христа» вследствие того, что «...соблудившего, хотя он и исповедал сей грех, и перестал делать его, принимая, отлучают на целые годы от Пречистых Таин, как повелевают апостольские правила» (Грехи..., 1997: 30).

Так, адюльтер, с точки зрения и светской, и религиозной жизни, – это нарушение и норм внешнего, общественного, повседневного, существования, и разрушение близких отношений с супругой(ом), и неверность дому, долгу, и измене основ, принципов любви, доверия, и трансформация основ мироощущения, мировоззрения, телесного и морального опыта и поведения человека. Адюльтер воспринимается как нечто однозначно предосудительное и требующее признание измены, а также выбора образа жизни от людей, предающихся прелюбодеяниям. Адюльтер рассматривается преимущественно с позиции ценностей семьи и правил поведения в обществе, которые выступают своеобразной морально-этической оппозицией чувствам любви, свободы и наслаждений жизнью. Под таким углом зрения адюльтер неоднократно представлялся в русской классической литературе: от фривольных шуток об обманутых мужьях и намёков на проказы холостяков в «Горе от ума», парижской жизни Ибрагима в «Арапе Петра Великого», череды супружеских измен в светских повестях 1830-х гг. (В. Одоевский «Княжна Мими», Е. Ган «Идеал», Н. Павлов «Маскарад»¹) до хрестоматийно известных прелюбодеяний в «Анне Карениной». Более того, в русской художественной литературе, не без влияния французской, сформировалась непосредственная взаимосвязь мотивов адюльтера и грешной, падшей женщины, образ которой может быть представлен проституткой, содержанкой и неверной женой (Завершинская 2009; Ключан 2016). Хотя в русской литературе эпохи модернизма психологизм, мировоззрение героев, основные морально-этические конфликты, в целом поэтика адюльтера существенным образом не меняются. Исключение, пожалуй, – это проза И. Бунина.

2. Анализ исследований и публикаций

Мир И. Бунина – это фактически мир беспрестанных измен, прелюбодеяний, похоти, соблазна и чувственной греховности. Уже начиная с ранних произведений («Учитель» 1894, «Осенью» 1901, «Маленький роман» 1906–1926, «День за днём» <1889>, «Деревня» 1909–1910, «Суходол» 1911, «Хорошая жизнь» 1911, «Сверчок» 1911, «Веселый двор» 1911, «Игнат» 1912, «При дороге» 1913, «Я все молчу» 1914, «Святые» 1914) и заканчивая циклом «Темные аллеи» (1937–1945), рассказами 1930–1950-х гг. («Памятный бал» 1944, «Модест» 1944), бунинские герои беспрестанно совершают адюльтеры и предаются мыслям, воспоминаниям о блуде и связанными с ними любовными приключениями, переживаниями.

Так что далеко не случайно советская критика и литературоведение настойчиво и целенаправленно упрекали писателя в аморальности. Примечательно, что в книге о жизни и творчестве И. Бунина, написанной Л.А. Смирновой в 1991 г. для учителей, во многом суммирующей литературоведческую и идеологическую рефлексию его художественного мира, подобного рода тенденции получают одно из ярких идейно-стилистических оформлений: «Бунин идет дальше в соединении высокого и низкого, духовного и физического. Он затрагивает те области взаимоотношений между людьми, которые целомудренно обходила литература XIX в.» (Смирнова, 1991: 92). В отношении любовной сцены Мити с замужней Аленкой («Митина любовь», 1924) Л.А. Смирнова формулирует вопрос «...чем же все-таки объясняет автор падение Мити?» (Смирнова, 1991: 136) и дает такой ответ: «Прежде всего – несоответствие высоких порывов окружающей среде, идеального – реальному. Писатель четко проводит

¹ См. наблюдения о взаимосвязях супружеской измены и болезни в русской светской повести (Шестакова, 2008).

эту грань раздела. Абсолютно все персонажи повести чужды Мите внутренне, преданы скучной обыденности либо фальшивой деятельности. В «греховности» Кати тоже виновата среда, девушка в определенном смысле ее жертва. А откровенная торговля Аленки своим телом не от ее природной распушенности, а от подчиненности аморальности устоям барских усадеб. Тем не менее ощутимая доля ущербности не снимается с человека. Не снята она и с главного героя» (Смирнова, 1991:137). Любовные истории из цикла «Темные аллели», в том числе и адюльтер, характеризуются так: «...мир катастрофичен вовсе не в силу некой таинственной, фатальной неразлучности любви и смерти. А по причине совершенно реального разрушения духовных ценностей, их “замещение” скороспелыми и легкомысленными удовольствиями. В такой атмосфере гибнет не только душа, но унижаются данные человеку природой прекрасные чувства» (Смирнова, 1991: 176).

Исходя из такой логики, адюльтер трактуется так: «Многие рассказы Бунина содержат образы страшных, жестоких притеснителей женщин. Ими оказываются обманутые мужья, брошенные любовники. Финал всегда один – убийство изменившей: «Генрих», «Дубки», “Пароход «Саратов»”. <...> Бунин понимал муки ревности. В «Кавказе» муж, запугивающий, неотступно преследующий подозреваемую жену, не найдя ее для расправы, разряжает в себя два револьвера. Жить острой памятью о телесном обладании женщиной, принадлежавшей теперь другому, он не смог. Физическая близость приносит счастье любящим и отравляет существование тем, кто пользуется ею насильственно, не менее, чем их жертвам» (Смирнова, 1991: 174).

Конечно, и в такой трактовке адюльтера, несмотря на очевидное и грубое искажение ключевых особенностей бунинской поэтики, есть рациональный посыл. Супружеская неверность представляется в однозначной этической системе координат, смысловым и ценностным центром которого является традиционно понимаемое мужское начало, муж как глава семьи, хозяин, а жена трактуется в качестве зависимого члена оппозиции, как женщина, при выборе мужа, полностью зависящая от обстоятельств, воли случая и везения, но должна им подчиняться. К тому же, эта система базируется на христианских представлениях об оппозиционности души/тела, морального/чувственного, долга/свободы *я*. Конечно, и на текстуальном уровне вполне можно найти примеры, подтверждающие значимость такого подхода: Аленка действительно тотчас после близости спрашивает будничным тоном у Мити о цене на поросят, а лесник из «Дубков» удавил молодую жену, подкараулив её на свидании с так и несостоявшимся любовником. Вопрос в том, насколько подобного рода толкование, базирующееся на общепринятых представлениях об адюльтере и его видении русской классической литературой, отвечает базисным принципам поэтики бунинского мира.

В противовес такой интерпретации зарубежное и постсоветское литературоведение предпочитают фокусироваться на проблемах любви, страсти, личности, экзистенциальных особенностях *я*, вопросах веры и философских основах художественного мира И. Бунина (Мальцев, 1994; И.А. Бунин и русская литература XX века, 1995; Заманская, 1996; Бройтман, Магомедова, 2001; Каменецкая, 2008; Бердникова, 2009; Пращерук, 2011; Пращерук, 2016; Марченко, 2015; Пономарев, 2018), тоже обходя вниманием странный феномен «адюльтер». В этом плане они продолжают традиции 1970–1990-х гг., заложенные такими известными специалистами, как А.К. Бабореко, О.В. Сливицкая, когда бунинский адюльтер затушевывался как самостоятельный и сильный, устойчивый мотив, ситуация, сюжетная ситуация, лейтмотив и как бы «перераспределялся» в другие, безусловно сопряженные с ним, но всё же смежные проблемные поля. Это тоже далеко не случайно. Во-первых, его анализ в условиях наследия советского литературоведения привел бы к упрощенному толкованию в пределах господствующих социально-культурной и художественно-литературной традиций. Во-вторых, надо было исследовать и описать вне идеологической системы основополагающие принципы и особенности жанровой системы, философских взглядов, поэтики И. Бунина в целом. В-третьих, образ, мотив, ситуация адюльтера в русской литературе тоже не выделялись и не рассматривались в качестве самостоятельного художественного явления, на чем делают акцент литературоведы, разрабатывающие эту проблему. Вследствие этого не были сформированы предпосылки и условия для вычленения и анализа столь странного и сопряженного с «тайной подлинности, которая очень близка тайне личности, т.е. тайне органического единства между человеческой особью и абсолютной истиной» (Степун, 1992: 154), феномена, как адюльтер в мире И. Бунина. Все же обходить и далее вниманием феномен адюльтера неправомерно, особенно если учесть, что И. Бунин не связывал его непосредственно с традиционными морально-этическими и религиозными представлениями, нормами, но и не создавал ситуации имморализма, эстетики греховной чувственности, что было характерно для литературы и культуры модернизма.

При всей насыщенности произведений И. Бунина самыми различными вариантами и вариациями адюльтера, начиная от мыслей и образов банального телесного томления, желания, блуда, похоти (например, «Учитель», «День за днём», «Личарда», «При дороге») до восхождения через измену к подлинности любви и *я* («Визитные карточки», «Солнечный удар», «Сын», «Неизвестный друг») или же нисхождения до глубин, ловушек циничного эгоизма («В ночном море») и заканчивая высокой трагедией обманутого, преданного доверия («Кавказ»), сложно вести речь о нем в традиционной системе координат и представлений. Однако в то же самое время невозможно и не выделить адюльтер в мире И. Бунина в качестве самостоятельного сильного, устойчивого стержневого и постоянно развивающегося феномена. Он изначально, с ранних произведений, задаёт направления для диалога с русской классической литературой, шире – культурой и проявляет ту уникальную особенность бунинской поэтики, которую Ф. Степун охарактеризовал весьма точно: у И. Бунина «кажется, что все описанное – совсем не описанное, а просто-напросто существующее» (Степун, 1968: 107). Эта особенность во многом и определяет сущность алогичности, оксюморонности бунинского мира, о чем писали многие исследователи, прежде всего Ю. Мальцев, О.В. Сливицкая, С.Н. Бройтман, Д.М. Магомедова. Для художественности И. Бунина, непривычной

для его современников, важен «...принцип “сохранения” противоречий, видение одновременно двух взаимоисключающих сторон феномена и благодаря этому приближение к зиждательной и ужасной тайне целого» (Бройтман, Магомедова, 2001: 560).

Цели и задачи исследования. Как представляется, под таким углом зрения важно и перспективно проанализировать поэтику адюльтера в мире И. Бунина. Это позволит, во-первых, сфокусировать внимание на феномене, который является одним из значимых для И. Бунина. Во-вторых, проследить основные варианты и вариации адюльтера и понять, как и в каких основных направлениях происходило его развитие в бунинском мире. В-третьих, прояснить морально-этическую и экзистенциальную основы адюльтера как такового, что связывает воедино такие противоречивые и необходимые для постижения и жизненности *тайны подлинности*, личности и абсолютной истинности чувства, как свобода и долг, любовь и ответственность, верность и измена, преданность, порядочность и возможность изменений для я, выбор и случайность.

3. Парадоксы «обыкновенной истории» адюльтера

Первое, что необходимо отметить: факт адюльтера у И. Бунина ни в коем случае не подразумевает безнравственности или же порочности человека даже в тех случаях, когда это с традиционной точки зрения представляется однозначным. И. Бунин уже в ранних рассказах, близких к поэтике реализма, например, «Учитель» и «День за днём», и через детали сосредоточивает внимание на адюльтере как пороке, грехе, соблазне чувственностью, как на недопустимом скандале, сопряженном со сплетнями, вызовом общественному мнению, и описывает его так, чтобы максимально четко обозначить тривиальность происходящего. Эти неизбежные банальность, предсказуемость ситуации и типов героев адюльтера и выступает некой защитой героям от пошлых житейских невзгод, своеобразным обыденным эквивалентом кантовской ситуации морально-этического выбора и ответственности.

Так, молодой учитель избегает романа с женой «старого барского повара» – «нахально-красивой молодой женщиной», которая настойчиво и дерзко выказывала ему свою симпатию, объясняя себе это тем, что «пойдут сплетни, – думал он, – различные неприятности...немыслимо!» (Бунин, 1987: 2:59²). Жена повара вынуждено не становится «падшей женщиной», муж проявляет житейскую мудрость: поведение учителя и страсть жены «...заметил и не подал виду, выжидая, что дальше будет: такой он был благообразный и вежливый старичок в опрятной серой поддевичке». Аналогично и в рассказе «День за днём», который имеет подзаголовок «Старая история», через аллюзии отсылающий к «Обыкновенной истории» И. Гончарова и бытописательским традициям русской классической литературы, адюльтер тоже нарочито вписан в клише. Это и недалекий, пошлый, с наглým выражением лица муж, женившийся на приданом, унижающей жену, привыкший развлекаться походами в ресторан, бильярд и к «барышням», и жена – малообразованная «уездная барышня даже без городского лоска» (2, 315), жившая иллюстрированными журналами, и вся скучная, однообразная жизнь. Причем не состоявшийся со стороны жены адюльтер тоже вписан в стереотипный образ уездных барышень и жизни, угнетающей монотонной будничностью «обыкновенных историй». Это подчеркивается и стилистически, и сжатым, пунктирным воспроизведением в двух абзацах сюжетных ситуаций русской классической литературы, связанных с изменами, похотью, любовными посланиями, и психологизм моделей поведения уездных обитателей: «Явилось даже смутное желание отомстить ему [мужу]. Она вспомнила о соседе, учителе уездного училища, молодом, скромном человеке, который, как она успела заметить, был влюблен в нее... “А ведь он милый”, – подумала она и закрыла глаза... Мысли о том, как бы он стал любить ее, ласкать, целовать руки, сидеть с нею по вечерам наедине, пошли бесконечную чередою. Машинально она встала и взяла с окна чернильницу и бумагу с твердым намерением написать ему ласковое письмо с просьбой прийти, посетить ее вечером и т.п.» (2, 316). Однако, что крайне важно, героиня так и не предается адюльтеру: ей «расхотелось писать» (2, 316) любовную записку. И. Бунин эскизно, в мыслях тривиальной уездной барышни-барыни, представил полноту банальности ситуации адюльтера, не дает ей совершиться для того, чтобы не усугубить, не закрепить пошлость пошлых обстоятельств и героев. В этом плане он и близок к философии, поэтике повседневности А. Чехова (Силантьева, 2000; Бройтман, Магомедова, 2001), но одновременно и противостоит ему. Такое нарочитое внимание И. Бунина к обыденности адюльтера, но и его недопущение на практике жизни – это состоявшийся героями выбор своей привычной будничности как выбор себя, почти хайдеггеровская возможность быть самим собою, а не репрезентантом пошлости общежитейских ситуаций. Принципиально значимо, что такое восприятие адюльтера И. Буниным будет и дальше развиваться.

Так, в рассказах, близких поэтике реализма (например, «Личарда» 1913, «Дубки» 1943), всё так же превалирует стремление к нарочитому воспроизведению литературно-культурных ситуаций адюльтера и недопустимости его осуществления. В «Личарде» это подчеркивается и обыгрыванием прозвища старой сводницы «из дворовых» (3, 352), и тем, как ее представляют работники, помнящие старое время («старуха дружелюбная, старая барская гнида, верная Личарда» (3, 354)), и тем, что историю о давнем происшествии – романе управительницы именем с гостем старого барина – рассказывает малообразованный мужик, делая шаржированные акценты на тех клише, которые были важны для русской классической литературы, и тем, что новый грех так и не состоялся, и тем, как создан образ сводницы, намечен ее подлый характер и подчеркнута её положение жалкой, избитой квартирантки.

4. Роль эстетического восприятия мира в банальной ситуации адюльтера

В «Дубках» эта тенденция усилится. Ситуация адюльтера представлена классическим для измены треугольником, усугубленным и тривиальностью образов героев (старый муж, молодая жена и молодой красивый мужчина), и избитостью социальных типов и ролей (муж – лесничий, жена – «схожая скорее с испанкою, чем с простою

² Далее произведения И.А. Бунина цитируются по указанному изданию, в скобках приводится номер тома и страница.

русской дворовой», «жестоко влюбившийся» воздыхатель – свободный юноша, только что произведенный «в чин гвардейского корнета, уволен зимой в двухнедельный отпуск в свою рязанскую вотчину...» (5, 411)), и трагической пошлостью развязки (старый муж убивает жену, пытаясь скрыть преступление), и обстановкой, в которой должна была совершиться измена (в зимний вечер в избушке лесника в последний день отпуска корнета). Но это не литературоцентричность, которая тоже была присуща русской литературе рубежа прошлых веков, а иное. Для И. Бунина важно именно через банальность ситуаций и мыслей, чувств героев, особенно молодого, показать, как тайна подлинности не позволяет прикоснуться к себе тем, кто не умеет понимать язык, смысл обыденности и выбирать себя. Так, после неожиданного признания жены в своей страсти к молодому человеку и назначения ею любовного свидания он вел себя вполне предсказуемо, банальны были и его мысли, что стилистически филигранно воплощено: «После того я, как понимаете, не чаял в неизъяснимом нетерпении и дожидать до завтрашнего вечера, не знал, что с собой делать, думая только одно: пренебрегу всем своим карьером, брошу полк, останусь навеки в деревне, соединю свою судьбу с нею по смерти Лавра – и прочее подобное...» (5, 41).

Однако после слов Анфисы о том, что муж может убить ее даже за предполагаемую измену и после внезапного возвращения мужа, который и не скрывал своей слежки за женой, несостоявшийся любовник «...без слова в ответ, поднялся, оделся и вышел...» (5, 414). Герой фактически оставил молодую женщину, ради которой думал погубить карьеру, для расправы «...мужику с кирпичным лицом в темно-красной бороде, из которого легко бы выйти атаман шайки муромских разбойников» (5, 414). При этом у И. Бунина нет даже намеков, позволивших дать трактовку сущности характера молодого героя и мотивов его поступка, кроме упоминания о тоже тривиальных эмоциях застигнутых врасплох прелюбодеев: «Мы молчим, сидим в оцепенении, в ужаснейшем замешательстве, понимаем, что он сразу понял все, она не подымает ресниц, я изредка на него взглядываю...» (5, 414). Наоборот, происходит несколько смен точек зрения и масштабов видения ситуации адюльтера.

И. Бунин, во-первых, концентрирует взгляд, внимание героя на художественно-эстетическом впечатлении от облика ревнивого мужа: «Признаюсь, живописен он был!» (5, 414). И далее следует подробное, с акцентом на ярких красках одежды, телесной мощи, описание лесника, глаза которого горят «грозным умом» (5, 414). Таким образом, молодой человек продолжает воспринимать серьезную ситуацию в том же условном пространстве художественных произведений, что и в его прежних мечтах. Но принципиальное изменение, точнее замещение, тривиальных художественных штампов внезапной способностью увидеть действительно эстетически совершенное, свидетельствует о том, что *тайна подлинности* (Ф. Степун), столь важная для мира И. Бунина, проявилась через осмысленность жизни: неизбежность трагизма обыденности. Герой сумел увидеть красоту подлинных чувств другого человека – мужа, столкнувшегося с оскорбительной, унижительной для себя ситуацией и вынужденного защищаться от нее. Но несостоявшийся любовник не смог понять смысл увиденного и выбрать *живую жизнь*, поверить в подлинность слов, поступков, чувств обыденности, а потому оставил супругов в кульминационной точке и житейских, и художественно-эстетических отношений. Адюльтер для него так и остался историей для рассказа, который адресуется необозначенному собеседнику(ам), что и реализуется через композицию и организацию повествования уже с первых строк.

Во-вторых, писатель резко ломает логику повествования, заменяя эмоционально насыщенный рассказ-воспоминание о событии от лица молодого героя на безлично отстраненное изложение поступков мужа (приход его в полицию и стремление выдать убийство жены за помешательство и самоубийство) и то, что «был он бит плетью и отправлен в Сибирь, в рудники» (5, 414). Такое выстраивание повествования свойственно прозе, особенно поздней новеллистике, И. Бунина. Это позволяет изменить точку зрения на событие и героев таким образом, чтобы проявились другие значимые ценностные и смысловые центры, но при этом и прежние центры получили дополнительное и/или новое звучание. Такого рода слом точки зрения в «Дубках» обнаруживает в ситуации, казалось бы, банального адюльтера и ее же тривиально предсказуемого разрешения проявление новых аксиологических аспектов. Важными оказываются не только банальные по своей природе чувства, поступки жены и молодого человека, но и мужа. Он, в отличие от несостоявшихся любовников, воплотил все клише ситуации измены в жизнь. Значимо и то, что адюльтер так и не состоялся, но выбор своей подлинности всеми героями совершился. Такое случайное столкновение судеб трех людей, не поверивших в силу обыденности, привело не только к вполне предсказуемой житейской развязке, но и к утверждению прав обыденности на *тайну подлинности* и сопряженную с ней *тайну абсолютной истины* (Ф. Степун).

5. Парадоксы «неожиданного счастья» адюльтера

Подобного рода столкновение правды, логики обыденной жизни и основ, принципов высокого искусства при восприятии и объяснении сути адюльтера важно для бунинского мира. Так, в новелле «Кума» (1943) герой и жена его друга совершают адюльтер в банальной ситуации дачной жизни, которая в первых же трех абзацах представлена как идиллический пейзаж будничной жизни купечества: «Одна из самых дорогих дач недалеко от озера: дом в шведском стиле, прекрасные старые сосны и яркие цветники перед обширной террасой» (5, 405). И весь процесс взаимного соблазна и измены происходит по канонам бульварных романов и кинематографических мелодрам, которые тогда были в моде. Однако герой утром, после того, как пережил и само «неожиданное счастье» близости с кумой, и блаженство ночных воспоминаний о нем, одновременно и чувственно еще погружен в полноту, красоту обыденности, и принимает странное, только на первый взгляд, решение: «Он открыл глаза, с наслаждением почувствовал сладкую простоту будничной жизни, подумал: “Нынче уеду в Москву, а послезавтра в Тироль или на озеро Гарда”, – и опять заснул» (5, 407). Герой не может продлить свое «неожиданное счастье» (5, 407), хотя ничего этому не препятствует. Более того, кума, «сияющая тридцатилетней купеческой

красотой и спокойным довольствием летней жизни» (5, 407), инициирует продолжение отношений по все той же тривиальной схеме – совместной тайной поездке на курорт в Кисловодск. Но такое развитие адюльтера для героя, воспринимавшего героиню в декорациях дачной жизни, с позиции эстетического идеала идиллической живописи будничности и его чувственное переживание, прикоснувшегося к *тайне подлинности*, оказывается невозможным. Тироль и озеро Гарда одновременно аксиологически и эстетически противостоят Крыму и Кисловодску.

«Неожиданное счастье» адюльтера – это открывшаяся для героя через банальность возможность ощутить одну из составляющих *тайны подлинности*: важность умения чувствовать и переживать простоту обыденности во всех ее нюансах как эстетически совершенное произведение. Герой это ощущение не хочет разрушать, позволив и дальше осуществляться в его жизни клише вполне удавшегося адюльтера. Но он еще и не может сделать окончательный выбор, пытаясь прикрыться от неосознаваемой и потому слишком банальной пошлости кумы строками из эпиграммы Козьмы Прутковка: «*”Вы любите ли сыр, спросили раз ханжу”, – сказал он, неловко смеясь...*» (5, 407), а потому вынужден ответить тривиальными жестами и вопросом на предложение кумы о поездке на курорт: «*Он взял через стол и сжал ее руку, тихо говоря: “Правда, приедете?”*» (5, 407). Рассказ завершается мыслями героя, который на пошлые заигрывания кумы и свои не менее пошлые вопросы-ответы, признает, представляя ее портрет в пошлом виде: «*И тотчас подумал: “А там я ее, в этих лакированных сапожках, в amazонке и в котелке, вероятно, тотчас же люто возненавижу!”*» (5, 407). Это продолжение эстетического восприятия мира и женщины, с которой пережил «неожиданное счастье» близости. Адюльтер снова оказался важен в качестве возможности приобщения к *тайне подлинности и истины*, но еще не в полной мере к *тайне личности* (Ф. Степун). Ситуация адюльтера для героя обнаруживает проблему границы и неизбежности выбора себя: случайность и близкое соприкосновение с чужими жизнями (друг, его жена), столкновение с чужой женой, так и не ставшей ему дорогим человеком, и полнота чувственного переживания обыденности, предельная честность с собой в чувствах, желаниях проявляют необходимость поступка. Это всё тот же хайдеггеровский *выбор быть самим собой или не быть* самим собой, когда герой, переживший адюльтер, не может в полной мере и сразу принять себя изменившегося, подтвердив это поступками.

6. Адюльтер как «познанный запрет»

Однако адюльтер в бунинском мире, начиная с ранних произведений, может быть и возможностью приобщиться к *тайне подлинности, человеческой личности* через совершенный выбор и погружение в экзистенциальные глубины мира и я («Осенью»). В таком случае адюльтер не называется и даже не ощущается как измена, а почти сразу проявляет свою оксюморонную сущность: «*Мы долго не могли сказать ни слова. То, что тайно волновало нас последний месяц, было сказано без слов, и мы молчали только потому, что сказали это слишком ясно и неожиданно*» (2, 219). Такого рода адюльтер противостоит обыденности как единственная и неповторимая попытка пережить подлинность себя во встрече с другим я. В отличие от рассказов, ориентированных на память реалистической поэтики, в таких произведениях ситуация адюльтера – это откровение, приобщение к *тайнам подлинности* через право двоих на любовь вне морально-нравственных норм, когда принципиально важна одновременность осознания и признания: «*Когда я была девушкой, я без конца мечтала о счастье, но все оказалось так скучно и обыденно, что теперь эта, может быть, единственная счастливая ночь в моей жизни кажется мне непохожей на действительность и преступной. Завтра я с ужасом вспомню эту ночь, но теперь мне все равно... Я люблю тебя, – говорила она нежно, тихо и вдумчиво, как бы говоря для самой себя*» (2, 222). Здесь вновь актуализируется столь важная для И. Бунина тема повседневности, даже обыденности как основы мировосприятия человека. Но реализуется она принципиально иным образом, нежели в рассказах «Учитель», «Личарда», «Дубки». Обыденность, сопряженная с любовью, прочувствованная вместе с нею, обнаруживает для человека возможность преодоления тривиальности, пошлого эгоизма и дает понять то, что М. Хайдеггер определил так, размышляя о запрете: «*Познанный запрет – не голое отречение от притязания, но превращение речи в почти потаенно журчащий песенный отголосок несказанного сказа*» (Хайдеггер, 1993: 308). Адюльтер – как традиционная система морально-этических запретов, – соприкоснувшийся с тайной сокровенных мечтаний и любви, проявляет в мире И. Бунина свою парадоксальную сущность. Он даёт право и возможность на подлинно трагическую встречу судеб, которая, если и не изменяет течение жизней любовников, то меняет их самовосприятие. Такого рода адюльтер, сопряженный с экзистенциальными настроениями, переводит банально-житейские слова и знания в молчание и достижение «...почти “непомерной интимности”» (Хайдеггер, 1993: 309).

7. Выводы

Таким образом, адюльтер в мире И. Бунина – это не столько тривиальная измена, сколько приобщение к *полноте бытия и тайне подлинности*. Адюльтер у И. Бунина – это не *другая* женщина / *другой* мужчина, репрезентирующие пошлую пресыщенность, обыденно-житейскую неудовлетворенность или же цинизм мироощущения, одиночество и неустроенность человека. Адюльтер – это пространство внутренней свободы и честности я, экзистенциальной безграничности и беспредельной возможности погружения и осознания себя, а также и его права, обязанности (не)выбора себя. Адюльтер у И. Бунина – это и пространство наряженной и трагической борьбы с собой. Адюльтер для И. Бунина вне моральности и нравственности, но и не аморален, не имморализм, поэтому он оксюморонен. Адюльтер обнаруживает для человека сущность любви (к единственно близкому другому я), бытия и веры, позволяя признать: «*Была ли она лучше других, которых я любил, я не знаю, но в эту ночь она была несравненной*» (2, 222). Совершенный выбор и признание, принятие себя и мира (не)изменившимися – это то, что дает адюльтер человеку, не испугавшемуся через обыденность и пошлость измены прийти к *тайне подлинности*. Однако эти аспекты адюльтера предполагают дальнейшие системные исследования.

Литература:

1. Бердникова О.А. Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии. *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2009. № 1. С. 12–19.
2. Бибикин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. Москва : Издательство «Институт Святого Фомы», 2009. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehkzistencialnaja_filosofija/bibikhin_v_v_rannij_khajdegger_materialy_k_seminaru/35-1-0-3402 (дата обращения: 28.10.2020).
3. Бройтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 540–585.
4. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. Москва : Художественная литература, 1987–1988.
5. Греховные страсти и борьба с ними (По учению преподобного Иоанна Лествичника). Москва : Издательство «Приход церкви свв. безср. и чудотворцев Космы и Дамиана в Риме пострадавших», «Благовест», 1997.
6. Завершинская Е.А. Французское пространство в романе Л. Толстого «Анна Каренина». *Сибирский филологический журнал*. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskoe-prostranstvo-v-romane-l-tolstogo-anna-karenina> (дата обращения: 28.10.2020).
7. Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та; Магнитогорск : Изд-во Магнитог. Пединститута, 1996.
8. И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. Москва : Наследие, 1995.
9. Каменецкая Т.Я. Эволюция повествования в произведениях И.А. Бунина 1910 – 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1584/1/urgu0537s.pdf> (дата обращения: 28.10.2020).
10. Клочан А.Н. Функционирование архетипа «падшей женщины» в русской литературе. *Русская литература. Филологический аспект*. 2016. № 5 (13). Май. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/funktsionirovanie-arkhetipapadshej-zhenshhiny-v-russkoj-literature.html> (дата обращения: 28.10.2020).
11. Мальцев Ю. Иван Бунин. Франкфурт-на-Майне. Москва : Посев, 1994.
12. Марченко Т.В. Поэтика совершенства. Москва : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015.
13. Пономарев Е. Интертекст «Темных аллей»: Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина. *Журнальный клуб «Интелрос» НЛО*. 2018. № 150. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo150-2018/35849-intertekst-temnyh-alley-rastvorenie-novelly-v-pozdнем-tvorchestve-ia-bunina.html> (дата обращения: 28.10.2020).
14. Пращерук Н.В. «Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И.А. Бунина. 2011. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31800/1/evf_2011_10.pdf (дата обращения: 28.10.2020).
15. Пращерук Н.В. Проза И.А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.
16. Силантьева В.И. Художественное мышление переходного времени (литература и живопись): А.П. Чехов, И.И. Левитан, В.А. Серов, К.А. Коровин. Одесса : Астропринт, 2000.
17. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. Москва: Просвещение, 1991.
18. Степун Ф.И. Встречи. Нью-Йорк : Товарищество Зарубежных Писателей, 1968.
19. Степун Ф.И. Иван Бунин. Встречи и размышления. Избранные статьи под ред. Е. Жиглевич. London : Overseas Publications Interchange Ltd. 1992. С. 152–169.
20. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. Москва : Республика, 1993.
21. Шестакова Э.Г. Поэтика «повседневных» болезней в русской классической литературе первой половины XIX века. *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*. 836. Серія: Філологія. Харків, 2008. № 54. С. 151–155.

References:

1. Berdnikova, O. A. (2009). *Motivy iskusheniia v tvorchestve I.A. Bunina v aspekte khristianskoi antropologii*. [The motives of temptation in the works of I. A. Bunin in the aspect of Christian anthropology]. *Vestnik VGU. Serii: Filologiya. Zhurnalistika* (1). 12–19. [in Russian].
2. Bibikhin, V. V. (2009). *Rannii Khaidegger: Materialy k seminaru*. [Early Heidegger: Workshop Materials]. Moscow: Izdatel'stvo: Institut Sviatogo Fomy. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehkzistencialnaja_filosofija/bibikhin_v_v_rannij_khajdegger_materialy_k_seminaru/35-1-0-3402. (Accessed on: 28.10. 2020) [in Russian].
3. Broitman, S. N., Magomedova, D. M. (2001). *Ivan Bunin. Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)*. Kniga 1. [Ivan Bunin Russian literature at the turn of the century (1890s – early 1920s). Book 1. Moscow: IMLI RAN, «Nasledie». 540–585 [in Russian].
4. Bunin, I.A. (1987–1988). *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected works in 6 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura [in Russian].
5. *Grekhovnye strasti i bor'ba s nimi (Po ucheniiu prepodobnogo Ioanna Lestvichnika)* [Sinful passions and struggle with them (According to the teachings of the Monk John Climacus)] (1997). Moscow: Izdatel'stvo “Priklad tserkvi svv. bezsr. i chudotvortsev Kos'my i Damiana v Rime postradavshikh”, “Blagovest” [in Russian].
6. Zavershinskaia, E. A. (2009). *Frantsuzskoe prostranstvo v romane L. Tolstogo “Anna Karenina”*. [French space in L. Tolstoy's novel “Anna Karenina”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskoe-prostranstvo-v-romane-l-tolstogo-anna-karenina> (Accessed on: 28.10. 2020) [in Russian].

7. Zamanskaia, V. V. (1996). *Russkaia literatura pervoi treti KhKh veka: problema ekzistentsial'nogo soznaniia*. [Russian literature of the first third of the twentieth century: the problem of existential consciousness]. Ekaterinburg Izd-vo Ural. un-ta; Magnitogorsk: Izd-vo Magnitog. pedinstitutu [in Russian].
8. I.A. Bunin i russkaia literatura XX veka: Po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 125-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Bunina. [I.A. Bunin and Russian literature of the twentieth century: Based on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of I.A. Bunin]. (1995). Moscow: Nasledie. [in Russian]
9. Kamenetskaia, T.Ia. (2008). *Evoliutsiia povestvovaniia v proizvedeniiakh I.A. Bunina 1910–1920-kh godov*. [The evolution of the narrative in the works of I.A. Bunin 1910s–1920s]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01; Ural. gos. un-t im. A.M. Gor'kogo, Ekaterinburg. URL: <http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/1584/1/urgu0537s.pdf>. (Accessed on: 28.10. 2020) [in Russian].
10. Klochan, A.N. (2016). Funktsionirovanie arkhetaipa “padshei zhenshchiny” v russkoi literature. [Functioning of the “fallen woman” archetype in Russian literature]. *Russkaia literatura. Filologicheskii aspekt*. 5 (13). Mai. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/funktsionirovanie-arkhetipa-padshej-zhenshchiny-v-russkoj-literature.html> (Accessed on: 28.10. 2020) [in Russian].
11. Mal'tsev, Iu. (1994). *Ivan Bunin*. [Ivan Bunin]. Frankfurt am Main. Moscow: Posev. [in Russian]
12. Marchenko, T.V. (2015). *Poetika sovershenstva*. [The Poetics of Perfection]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. [in Russian]
13. Ponomarev, E. (2018). Intertekst «Temnykh allei»: Rastvorenii novelly v pozdnem tvorchestve I.A. Bunina. [Intertext “Dark alleys”: Dissolution of the novella in the late work of I.A. Bunin]. *Zhurnal'nyi klub “Intelros” NLO* (150). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo150-2018/35849-intertekst-temnyh-alley-rastvorenii-novelly-v-pozdnem-tvorchestve-ia-bunina.html>. (Accessed on: 28.10. 2020) [in Russian].
14. Prashcheruk N.V. (2011). «Realisticheskii» variant russkogo modernizma: o proze I.A. Bunina. [“Realistic” version of Russian modernism: about the I.A. Bunin’s prose]. URL: http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/31800/1/evf_2011_10.pdf. (Accessed on: 28.10. 2020) [in Russian].
15. Prashcheruk, N.V. (2016). *Proza I. A. Bunina v dialogakh s russkoi klassikoi*. [I.A. Bunin’s prose in dialogues with Russian classics]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta [in Russian].
16. Silant'eva, V.I. (2000). *Khudozhestvennoe myshlenie perekhodnogo vremeni (literatura i zhivopis'): A.P. Chekhov, I.I. Levitan, V.A. Serov, K.A. Korovin*. [Artistic thinking of the transition period (literature and painting): A.P. Chekhov, I.I. Levitan, V.A. Serov, K.A. Korovin]. Odessa: Astroprint [in Russian].
17. Smirnova, L.A. (1991). *Ivan Alekseevich Bunin: Zhizn' i tvorchestvo*. [Ivan Alekseevich Bunin: Life and work]. Moscow: Prosveshchenie [in Russian].
18. Stepun, F.I. (1968). *Vstrechi* [Meetings]. New York: Tovarishestvo Zarubezhnykh Pisatelei [in Russian].
19. Stepun, F.I. (1992). *Ivan Bunin*. [Ivan Bunin]. *Vstrechi i razmyshleniia. Izbrannye stat'i pod. red. E. Zhiglevich*. [Encounters and Reflections. Selected articles. Ed. by E. Zhiglevich]. London: Overseas Publications Interchange Ltd. 152–169. [in Russian].
20. Hajdegger, M. (1993). *Bytie i vremja / Per. s nem.* [Being and time]. Moskva: Respublika [in Russian].
21. Shestakova E.G. (2008). Poetika “povsednevnykh” boleznei v russkoi klassicheskoi literature pervoi poloviny XIX veka. [Poetics of “everyday” diseases in Russian classical literature of the first half of the 19th century]. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu im. V.N. Karazina*. 836 Seriiia Filologiiia Kharkiv (54). 151–155 [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 30.10.2020
The article was received 30 October 2020